

ПРОЛОГ

Среда, 24 мая 1922 года

Медведь стоял на задних лапах и как будто пританцовывал. Рядом олень опустил свои могучие рога на землю, словно сдаваясь на его милость. Рита провела пальцем по прохладной поверхности свирепых львиных голов, выгравированных на железных перилах и блестящих в желтом свете фонаря. Подняв взгляд, она увидела, как поезд подобно хвосту кометы тянется по уходящей в берлинское небо эстакаде и исчезает в сгущающемся мраке по направлению к Потсдамерплац. Его огоньки отражались в черной воде.

День выдался теплым и, несмотря на то, что порой про- скальзывали отголоски прохлады, нес с собой предчувст- вие лета. Был май, но погода стояла скорее апрельская. Порыв ласкового ветерка игриво закружил мелкие листья бука и липы, погладил мерцающие в сумерках серебристо- серые стволы деревьев, а потом заставил Риту вздрогнуть. Она вцепилась в перила моста и посмотрела вниз, на ле- ниво текущие воды Ландвер-канала, на засасывающие глу- бины. В первые годы брака они с Конрадом часто ходили купаться — обычно на Ванзее, где песчаный берег плавно переходил в голубую гладь воды, которая расходилась по-

логими волнами, омывавшими Рите ноги. С ее места казалось, что голова Конрада качается, как буюк. Рита не умела плавать, поэтому просто стояла и смотрела на зеленую кромку берега, на играющих детей. Воспоминания вызвали у нее улыбку, перед глазами встали купальные костюмы тех времен. Что люди только не носили — особенно женщины! Длинные шаровары, купальные платья и даже шляпки. Это было еще до войны.

Рита со вздохом опустила взгляд на свой сегодняшний наряд. На ней было тонкое, почти прохудившееся от многочисленных стирок платье, не скрывающее рук и дряблой кожи декольте, и туфли на высоком каблуке. Тощие плечи Рита скрыла под шерстяной шалью — вечерами было довольно прохладно. На лице она чувствовала косметику, которая засохла и собралась в морщинках. От той девушки, которой Рита некогда была, не осталось и следа. Даже собственное тело больше ей не принадлежало — каждую ночь она продавала его за несколько марок.

Сегодня Рите передали записку от одного из поклонников. «Поклонниками» она мысленно называла мужчин, с которыми спала за деньги. Безнадежно старомодное слово — да и ложь ко всему прочему, но так преодолевать невзгоды было чуточку легче.

— Только шустрая Рита согласится пойти на встречу с таинственным незнакомцем, — произнесла Мари густо накрашенными губами, и остальные женщины насмешливо захихикали. Рита ненавидела это прозвище, но не позволила замечанию задеть себя за живое. Она прочитала послание. Этим вечером ей назначили свидание у Кетенского моста. Пожав плечами, Рита сунула записку в декольте и отправилась на поиски жадных до любви прохожих, которых не заботят ее морщины и редеющие волосы — пока она дает им то, что они хотят.

Высоко над головой загромыхал очередной поезд, и Риту охватило странное беспокойство. Где же автор послания? Она тратит свое время, напрасно ждет, отдавая потенциальных клиентов остальным проституткам в Бюловбогене...

Звезды на небе тускло мерцали, листья на деревьях шептали знакомую песню... «Как же здесь красиво», — подумала Рита, несмотря на обстоятельства.

Кто-то неожиданно схватил ее со спины. Крепко схватил. Зажал рот рукой — Рита и вскрикнуть не успела. Но она закричала мысленно, сражаясь со страхом смерти, который охватил ее при виде распростершейся внизу блестящей черноты. Она услышала пыхтящий вздох, увидела упавшую на перила бесформенную тень. В следующую секунду нападавший приподнял ее истощенное тело, перекидывая через железный парапет. Пока Рита падала, внутри у нее все похолодело и словно оборвалось, а в голове промелькнула мысль, что, возможно, погружение в воду похоже на полет — или полет наоборот, — и что отныне она перестанет быть «шустрой Ритой» и превратится в птицу, рыбу или кого-нибудь еще.

Это было последнее, о чем Рита успела подумать, прежде чем у нее над головой сомкнулись черные воды, и она широко открыла рот, встречая свою смерть.

ГЛАВА I

Суббота, 27 мая 1922 года

«Хульда Гольд не похожа на остальных девушек», — подумал Берт, глядя на Хульду из своего маленького киоска. То, как она шла по базарной площади Винтерфельдплац — не вразвалку, не прогулочным шагом, а быстро и целеустремленно, — никого не оставляло равнодушным. Стройная фигурка, высокий рост, ставший причиной легкой сутулости, юбка до колен, серая блузка и красная фетровая шляпка, венчающая голову с короткой стрижкой... Хульда промаршировала мимо киосков и лавок, чуть не снеся большой цветочный горшок Эрики Грюнмайер, и направилась напрямиком к окошку Берта.

Берт машинально поправил шелковый платок у себя на шее, а потом усмехнулся: он годится Хульде в отцы, с натяжкой — даже в деды. Впрочем, разве не все здесь немного влюблены в эту девушку?

— Доброе утро, милая госпожа Хульда, — поздоровался Берт с ноткой благоговения и склонил голову в небольшом поклоне. «Она выглядит усталой», — подумал он, заметив глубокие тени под серо-голубыми глазами девушки.

Левый, как обычно, был устремлен куда-то мимо Берта, словно Хульда не могла решить, куда ей смотреть.

— Доброе утро, Берт, — сказала она, слегка запыхавшись. — Как вы поживаете?

— Грех жаловаться. — Берт указал сначала на витрину, заставленную стопками газет и журналов, а потом на стеллажи, на которых они висели так, чтобы можно было разглядеть заголовки, соперничающие друг с другом за внимание публики.

— Люди ежедневно интересуются подробностями о разводе Греты Шредер, ценами на хлеб и тем, когда в этом году созреет клубника. И хотят узнавать новости раньше всех. Газеты прокисают, как молоко, если не продать их вовремя. С шести утра у меня побывала добрая половина Шенеберга. — Берт огляделся. — Однако сейчас, похоже, все подуспокоились.

Хульда кивнула и мимолетно улыбнулась. «Она выглядит рассеянной», — с легким беспокойством подумал Берт. Светлые глаза с серебристым отливом обшарили площадь, скользнули по кустам боярышника, вокруг которого росли маленькие яркие цветы. Потом девушка взяла газету и принялась просматривать заголовки. На протяжении последних нескольких недель с первых полос не сходили новости о германо-советском договоре, который заключили рейх-министр иностранных дел Ратенау и русский нарком Чичерин в итальянском городке Рапалло. Левые праздновали сделку с Советами, а правые яростно выступали против. Это случилось в апреле, а сейчас уже распустилась сирень, и царствующая в Берлине весна подходила к концу.

На пороге стояло лето.

«Пока 1922 год был относительно спокойным», — подумал Берт и зажмурился, когда под навес киоска скользнул солнечный лучик. Впрочем, за свою долгую жизнь Берт повидал достаточно, чтобы чувствовать: внутри молодой

республики нарастает недовольство. Внешнее впечатление бывает обманчивым, думал Берт, поглаживая свои роскошные усы. Ничто не прощено и не забыто — ни погибшие в Великой войне, ни годы страданий, ни политические убийства, которые после войны стали для Германии обычным делом. Месяцы мнимого затишья, последовавший за ними военный переворот, когда два года назад бригада Эрхардта заняла правительственный квартал — что стало своего рода необходимым ответом на незаданный вопрос.

Берт смотрел, как Хульда проглатывает заголовки один за другим, слегка приоткрыв губы и нахмутив брови. Не о путче ли она вспоминает? Демократии всего год, она — невинный ребенок, которому снова грозят насилием. Многие были убиты, многие — ранены, когда путчисты устроили кровавую баню. Но берлинцы умеют защищаться, они бастовали и здесь, в Шенеберге, они остановили движение на главной улице, пока националисты не выбежали из шенебергской ратуши, словно крысы. Сейчас в стране воцарилось шаткое спокойствие, но под этим спокойствием бурлит людской гнев, вызванный кабальным договором, согласно которому Германия считается единственной проигравшей в войне стороной и должна выплачивать огромные суммы денег в качестве репараций. Многие называют Версальский договор «позорным миром», и с некоторых пор невидимые кукловоды снова собирают силы, чтобы вернуть себе потерянную честь и ударить по демократии. Что будет дальше?

Наконец Хульда подняла взгляд.

— Никаких плохих новостей, — заключила она, словно прочитав его мысли.

— Да, все тихо, — проворчал Берт.

Почему он изводит себя страхами и раздумьями, когда над крышами Шенеберга ярко улыбается солнце, в лавке старухи Грюнмайер пионы соревнуются в красоте с левкоями,

а за этим цветочным великолепием неутомимым стражем возвышается величественный собор Святого Матьяша?

— Милая моя Хульда, неужто в этот погожий денек у вас выходной?

— Да, сегодня никаких пациентов. И никто пока не прибежал, чтобы сообщить о начавшихся родах. К счастью. Прошлая ночь закончилась слишком быстро. — Хульда зевнула, забыв прикрыть рот ладонью. — У беременной с Курфюрстенштрассе отошли воды, и домой я вернулась только на рассвете.

— Надеюсь, все закончилось благополучно?

— Да. С мальчиком все хорошо. У родителей он четвертый, поэтому отпуск по родам мать вряд ли получит. Отец работает токарем в несколько смен, и теперь ему придется кормить уже шесть ртов.

Берт задумчиво кивнул. Сколь бы красочной и радостной ни казалась жизнь здесь, на базарной площади, будни простых людей из густонаселенных доходных домов трудны и мрачны. Берта передернуло от воспоминаний о том, что некогда он тоже жил в бедности, среди запаха сырого белья, нечистот надворных туалетов и немых тел, в вечном страхе перед очередным неоплаченным счетом за газ. Берт торопливо пригладил свой расшитый узорами жилет, схватил свисавшую из нагрудного кармана золотую цепочку от часов, словно талисман, и глубоко вздохнул. Его взгляд метнулся к Хульде. Заметила ли она что-нибудь? Берт не любил вспоминать о своем далеком прошлом и никогда о нем не рассказывал.

Впрочем, беспокоился он напрасно: Хульда уже отвернулась и глядела куда-то вдаль — возможно, рассматривала богатый выбор сыров из фермы Петерса, запах которых тянулся вдоль лавок и мимо шарманки. По воздуху разливалась томная мелодия известной песни, которую, на взгляд Берта, играли слишком часто. «Это было в Шенеберге в мае

месяце»... Но Хульда, казалось, не слушала. Прищурившись, она буравила взглядом кафе «Винтер», где хозяйский сын расставлял стулья на тротуаре. До газетного киоска доносился слабый аромат кофейных зерен. Берт понимающе улыбнулся, проследив взгляд Хульды. Теперь ясно, что ее отвлекло.

— Как поживает наш милый Феликс?

Хульда едва заметно вздрогнула. Посмотрела на Берта и неуверенно рассмеялась:

— А мне откуда знать?

— Милая моя госпожа Хульда, — сказал Берт дружелюбно, но слегка укоризненно. — Сколько лет мы с вами знакомы? Я думал, мы хорошие друзья. Нет нужды разыгрывать передо мной спектакль, актриса вы никудышная. Вас всегда выдают глаза.

Щеки Хульды вспыхнули румянцем. Она принялась ковырять носком туфли булыжник на мостовой.

— А что Феликс? Думаю, у него все прекрасно. Дела в кафе идут хорошо — посетителей много, там всегда очереди, то и слышен звон кассы...

— Я спрашивал скорее про его сердце.

— Не мне судить. Я уже давно не имею к его сердцу никакого отношения.

Берт усмехнулся.

— Уверен, он считает иначе. Но не волнуйтесь, я не собираюсь вас более мучить. Если меня вдруг спросят, я расскажу официальную версию: госпожа Хульда, летающая на велосипеде повитуха с Винтерфельдтплац, не имеет никакого отношения к сердцу господина Винтера-младшего.

— Благодарю, это очень любезно с вашей стороны, — ответила Хульда слегка язвительно.

Берт спокойно продолжал:

— Я позволю себе дерзость задать последний вопрос: как поживает ваше сердце, милая Хульда?

— Оно делает свою работу. — Хульда прижала свернутый в трубочку экземпляр газеты «Берлинер Тагеблатт» к груди, как пистолет. — Сколько я вам должна?

Берт со вздохом взял позвякивающие монеты и покачал головой, провожая взглядом Хульду, которая с высоко поднятой головой отошла от газетного киоска и побежала в пекарню Визе, где, скорее всего, как обычно купит одну белую и одну ржаную булочку. Стук ее каблучков по мощенной мостовой звучал укоризненно, и Берт подумал, не слишком ли далеко зашел в своих поддразниваниях. Но эта молодая девушка годами озадачивала его. Он знал Хульду еще тогда, когда она малышкой бегала по площади в сползающих чулках и с той смесью гордости и ранимости, которую можно увидеть у нее на лице по сей день. Время от времени Берт давал девочке леденцы или лакрицы, хотя в глазах у нее читался голод, который сладостями не утолить. Позже Берт стал свидетелем того, как в Хульду влюбился сын Винтеров, и в течение нескольких лет все здесь, на площади, предполагали, что этот милый кареглазый мальчик женится на непоседливой Хульде. Но потом страну захлестнула война, и жизнь распорядилась иначе.

Подошел покупатель — мужчина в костюме песочного цвета и в шляпе с плоской тульей и короткими прямыми полями. Берт никогда не видел его прежде. Он проводил неодобрительным взглядом струйки дыма, которые вырывались из приоткрытых губ с зажатой между ними сигариллой и туманом поднимались к навесу. Пепел упал на одну из газет, раздалось громкое шипение. Незнакомец виновато рассмеялся и выбросил сигариллу.

— Прошу прощения. Думаю, теперь мне придется ее купить.

Берт не сказал «нет» и с вежливым поклоном протянул руку, принимая деньги.

Мужчина стряхнул пепел с газеты, скрутил ее в трубочку и засунул себе под мышку. Потом пробежался глазами по прилавку. «Б. 3.», «Фоссише Цайтунг», «Моттенпост»... Он казался разочарованным.

— Ничего не слышно о трупe из канала?

— Прощу прощения?

— О, так вы не слышали? Из Ландвер-канала выловили мертвую женщину. Она некоторое время пролежала в воде. Наверное, не очень приятное зрелище.

— Нет, я ничего об этом не знаю, — покачал головой Берт. — Она утонула?

— Говорят, покончила с собой, — ответил незнакомец, пожимая плечами.

— Бедная женщина.

Мужчина не выглядел расстроенным, напротив — губы его искривила возбужденная улыбка.

— Кто знает, вдруг в Берлине объявился маньяк, охотящийся на женщин? Нам не впервой. Да и простых преступников здесь хватает. Жажда крови, деньги, месть и все такое... из-за этого гибнет много людей. Особенно в этих кругах, знаете ли.

— О чем вы?

— Она была потаскушкой, — беспечно сказал мужчина, приподнял шляпу и был таков.

Берт вздрогнул. Резкие слова незнакомца взлетели в голубое весеннее небо. Он окинул взглядом базарную площадь, впитывая в себя все вокруг, словно желая убедиться, что оно настоящее. Вот на прилавке лежат тюльпаны, гортензии, гвоздики и букеты ярких цветов. Вот играют дети, с улюлюканьем гоняя палками железные обручи по мостовой. Вот деревянный чан со сливочным сыром. Вот попрошайки — оборванные сопляки, которые ходят от одной лавки к другой, протягивая свои грязные ручонки. А вот, посреди всего этого, маячит красная шляпка Хульды, обла-

дательница которой закончила болтать с булочником и теперь со свертком в руках мчится через площадь, распугивая голубей.

У кафе Хульда остановилась. Берт видел, как она села за столик и подставила лицо солнцу. Видел, как вышел Феликс, на голове которого была кожаная кепка. Немного помедлив, он расправил плечи и подошел к Хульде. Берт не слышал ни слова, но видел улыбку Хульды, в которой, казалось, мелькнуло извинение, и натянутую улыбку Феликса. Юноша коротко кивнул, развернулся на каблуках и исчез в кафе, чтобы исполнить заказ. Вскоре он поставил перед Хульдой чашку кофе. Хульда схватила Феликса за руку, он нерешительно замер, но потом сбросил ее ладонь и ушел. «Сбежал», — подумал Берт, отвел взгляд, нацепил на нос очки и погрузился в один из рассказов Тухольского, которые читал, когда не было покупателей. История рассказывала о двух влюбленных из Райнсберга. История оказалась забавной, она была легко написана и быстро читалась, но за дурачествами Вольфганга и его возлюбленной проглядывала печаль. Берт снова вздохнул, удивляясь, почему сегодня, в этот погожий денек, его охватило такое меланхоличное настроение.

ГЛАВА 2

Воскресенье, 28 мая 1922 года

Хульда выругалась. Она и без того опаздывала, а теперь еще и колесо спустило... «Какая досада», — подумала она. Придется идти в Бюловбоген пешком. Это всего в десяти минутах ходьбы, но Хульда опять проспала, и юная Лило Шмидт, со страхом ожидающая родов, будет переживать, если ее акушерка не явится в назначенное время. Хульда ненавидела разочаровывать людей, которые в нее верили. Она словно наяву увидела лицо Лило с мягкими чертами, кукольные карие глаза, умоляющие о помощи, и тут же ощутила угрызения совести, острые, как зубная боль. А потом подумала, что ее не должны мучить угрызения совести, поскольку ей даже не платят за осмотр. Медицинские страховые компании не принимают счета за наблюдение за беременностью — только за роды. И за уход за новорожденным в первые несколько дней, чтобы акушерки помогали новоиспеченным матерям. Высокий уровень детской смертности тревожит государство, поскольку каждый умерший ребенок — удар по нему. Для того, чтобы улучшить положение, создавались консультационные центры, где матерям рассказывали, как ухаживать за ребенком.

Но перед родами женщины остаются наедине со своими трудностями и страхами.

Хульда по опыту знала, что роды проходят куда легче, когда участники процесса знакомы друг с другом, поэтому иногда посещала семьи по собственной инициативе, то есть бесплатно. Хульде казалось, что как акушерка она может на что-то повлиять. Так она чувствовала себя важной и полезной.

Но житейские невзгоды слишком часто вставали у нее на пути, вот как сейчас — это спустившее колесо.

Тяжко вздохнув, Хульда схватила кожаный саквояж с инструментами и толкнула велосипед к стене. Он упал на мусорный бак, и по округе прокатился оглушительный грохот. Хульда закусила губу и, не отводя взгляда от дома, торопливо подняла своего железного коня.

Из открытого окна на втором этаже, выходящего в ухоженный двор Винтерфельдтштрассе, высунулась голова квартирной хозяйки, роскошные белые волосы которой были накручены на многочисленные бигуди.

— Во имя всего святого! Хульда, что вы там расшумелись?

Щеки у нее блестели, как наливные яблочки, а острый, словно флажок, нос подрагивал от негодования. Маргрет Вундерлих была не из тех, кто позволит шуметь до восьми утра в своем обожаемом доме.

Хульда незаметно закатила глаза, а потом прокричала:

— Прошу прощения, госпожа Вундерлих! У моего велосипеда спустило колесо!

— Это не повод устраивать такой переполох. Да еще в воскресенье, — ответила хозяйка, запахивая халат на пышной груди. Ее брови были неодобрительно вскинуты, но через несколько секунд губы изогнулись в легкой улыбке. — На сей раз я прощу вас, Хульда, пусть даже вы напугали моего маленького Морхена. — Она указала

на толстого черного кота, невозмутимо сидевшего на подоконнике.

Хульде было ни капельки не жаль животное, постоянно таскавшее в дом дохлых крыс.

Госпожа Вундерлих тем временем продолжала:

— Как бы то ни было, дорогая Хульда, я обеспокоена акробатическими этюдами, которые вы проделываете на этом своем велосипеде. В мое время было немыслимо, чтобы женщины пользовались этим устройством. Сидеть на жестком сиденье, расставив ноги... С медицинской точки зрения это крайне вредно. Подумайте о будущем, когда... ну вы сами знаете.

Хульда почувствовала, как в ней поднимается волна гнева. Можно подумать, ее квартирная хозяйка, которая всю жизнь только и делала, что жарила яичницу да меняла постельное белье, разбирается в медицине! Хульда с полным правом может называть себя специалистом по женскому здоровью, но в глазах госпожи Вундерлих она — незамужняя девушка с сомнительной работой. Да и бездетная к тому же. Проглотив колкость, Хульда просунула цепь велосипедного замка в колесо, затем — в железное кольцо на стене дома и провернула в замке ключ.

Хульда прожила в комнате на мансарде почти четыре года, поэтому хорошо знала госпожу Вундерлих и понимала, что возражениями только раззадорит ее. А у Хульды не было времени на споры. Лило ждала ее.

— Тогда вы будете рады услышать, что сегодня я пойду пешком, — сказала она, обезоруживающе улыбнулась вытянувшемуся от удивления лицу своей квартирной хозяйки, помахала ей и быстро выбежала со двора на улицу, куда голос госпожи Вундерлих не сможет за ней последовать.

Хульда злилась, когда госпожи Вундерлих лезла в ее дела, но не могла не признать, что ценит заботу. Госпожа Вундерлих была единственным человеком в мире, за исклю-

чением разве что Берта, продавца газет, который заботился о ее благополучии. Хульда невольно улыбнулась, вспомнив теплые вечера, которые провела на кухне Маргрет Вундерлих, сидя у пузатой печки с горячим грогом в руках и слушая болтовню квартирной хозяйки.

Но настроение Хульды оставляло желать лучшего, поэтому вскоре улыбка сползла с ее губ. Подержанный велосипед, который Хульде посчастливилось купить, был для нее воплощением свободы. Он нес ее по улицам, словно ветер, и обгонял даже автомобили, когда те, наперебой гудя клаксонами, стояли в пробке на Потсдамерштрассе. Он на короткие мгновения преодолевал законы времени и пространства — и пола, потому что девушек, ездивших на велосипеде, можно было по пальцам пересчитать. Обычно такую покупку могли позволить себе только работающие мужчины. Велосипед обошелся Хульде в кругленькую сумму, которую она копила несколько месяцев, но он того стоил. Теперь снова придется его чинить, а она ненавидела это занятие. Это Феликс показал Хульде, как накачивать колесо. Мысль о Феликсе отнюдь не улучшила ее настроение.

Хульда ускорила шаг и пересекла Потсдамскую улицу, полную пивных и винокуренных лавочек, парикмахерских и магазинчиков с женской одеждой. Ловко уворачиваясь от автомобилей, конных повозок и двухэтажных желтых омнибусов, Хульда направилась вдоль Альвенслебенштрассе, ведущей к Денневицплац. Здесь в небо уходили высокие ряды доходных домов, поглощающих свет весеннего солнца. Слева от Хульды по железным, окрашенным в красно-серый цвет рельсам на эстакаде прогремел поезд, исчезая в доме 70 по Бюловштрассе. В том доме построили туннель для беспрепятственного железнодорожного сообщения через город. Рельсовое чудовище вонзалось в здание, словно металлический змей, завораживающий своим уродством.